

С точки зрения экономики

УДК 339.924

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.02

Накопительная модель международной экономической интеграции

Борис Аронович ХЕЙФЕЦ

доктор экономических наук, профессор

Финансовый университет при Правительстве РФ

Ленинградский проспект, д. 49, г. Москва, Российская Федерация, 125993;

главный научный сотрудник

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт экономики РАН

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117218

E-mail: bah412@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-6009-434X

ЦИТИРОВАНИЕ: Хейфец Б.А. Накопительная модель международной экономической интеграции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 35–52.
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.02

Статья поступила в редакцию 23.10.2022.

Исправленный текст представлен 10.01.2023.

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается целесообразность введения в научный и практический оборот нового понятия «накопительная экономическая интеграция». На основе анализа работ по теории международной экономической интеграции показывается, что классическая методология, базирующаяся прежде всего на принципах теории Б. Балашиа, лишь частично подходит для изучения разнообразных форм интеграции, развивающихся в глобальной экономике на современном этапе. В этом плане целесообразно использовать модель накопительной интеграции, учитывающей весь комплекс связей, ведущих к экономическому сближению группы заинтересованных государств. Особенностью накопительной интеграции является готов-

ность участников к многостороннему или двустороннему сотрудничеству для достижения конкретных целей и предоставление друг другу привилегий или особых прав в рамках таких договоренностей. Стратегия накопительной интеграции расширяет поле для развития взаимного сотрудничества в плане вовлечения в него разных по уровню экономического развития стран, а также сфер взаимодействия. У накопительной интеграции могут быть различные модели, а сама накопительная интеграция в перспективе может или перейти к более высоким стадиям международной интеграции или еще долгое время оставаться компромиссной формой развития стабильных взаимных связей. Сделанные выводы подтверждаются анализом конкретных примеров разви-

тия накопительной интеграции в рамках инициативы «Пояс и путь», АТЭС и БРИКС. Называются некоторые межгосударственные объединения, которые могут использовать стратегию накопительной интеграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: регионализация и трансрегионализация, теория Б. Балашиа, накопительная интеграция, национальный суверенитет, СЭВ, инициатива «Пояс и путь», АТЭС, БРИКС.

Введение

Тектонические трансформации, начавшиеся после всеобщего кризиса 2008-2009 гг., усиленные пандемическим шоком COVID-19 в 2020 г. и приобретшие глубинный характер в связи с начавшимся в 2022 г. геополитическим конфликтом заставляют переосмысливать многие сложившиеся в прошлом теоретические представления о мировой экономике. Речь идет о таких основополагающих для ее развития явлениях, как глобализация и регионализация, а также о тесно связанной с ними экономической интеграции. Данные проблемы приобретают особое значение для России, которая должна коренным образом перестраивать прошлую систему своих связей с внешним миром, включая ее прежние и только начинающие формироваться интеграционные союзы.

Сейчас не настало время для серьезных обобщений и выводов, так как очень высока степень неопределенности в дальнейшем развитии политических и экономических событий в мире. Тем не менее некоторые новые моменты уже проявились, а также могут быть спрогнозированы с определенной степенью вероятности для краткосрочной и среднесрочной перспективы другие тенденции. Речь идет о замедлении

процесса регионализации, включая его новый вектор трансрегионализации, о появлении проблем в развитии интеграционных процессов в некоторых существующих региональных интеграционных объединениях, вызывающих необходимость в их переформатировании и модернизации. Кроме того, возникает вопрос, как с точки зрения теории экономической интеграции оценить некоторые крупные региональные и трансрегиональные межгосударственные объединения и отдельные глобальные проекты, в которых важную роль играет межгосударственное экономическое сотрудничество. Это позволяет наметить некоторые новые траектории в изучении интеграционных процессов.

Обзор литературы

В теории сложилось общее толкование международной экономической интеграции (МЭИ) как процесса экономического объединения нескольких государственных образований путем устранения существующих в национальной экономической политике каждого из них формальных и неформальных ограничений для свободного движения товаров, услуг, капитала, трудовых ресурсов и развития взаимных связей. В данной связи наиболее распространенным представлением о МЭИ является «интеграция рынков», которая приносит дополнительные эффекты для каждого участника интеграционных процессов [Либман, Хейфец, 2011].

Ю.В. Шишков предложил термин «экономическое интегрирование», в результате которого «несколько моногосударственных макроэкономических организмов постепенно трансформируются в целостное полигосударственное хозяйственное пространство. Со временем оно структурируется в новый, укрупненный и, что особенно важно,

более эффективный экономический организм» [Шишков, 2001, с. 91].

В научном отношении теория МЭИ опирается на ряд основополагающих трудов, анализ которых дается во многих публикациях (см., например, [Hosny, 2013; Grimwade, 2017; Butorina, Borko, 2022]). В свете затрагиваемой в данной статье темы прежде всего хотелось бы выделить работы, дающие представление о различных стратегиях формирования и формах интеграционных объединений. В данной связи необходимо отметить труды, посвященные таможенным союзам Я. Винера [Viner, 1950], Дж. Мида [Meade, 1955] и Р. Липси [Lipsey, 1960], где даются неоднозначные оценки выгод и потерь от таких интеграционных объединений для интенсификации взаимной торговли участвующих в них государств.

Новые идеи в теорию МЭИ привнес Я. Тинберген, который с точки зрения рационализации структуры мировой экономики выделил две основные стратегии формирования экономического объединения интеграционного типа: «негативную» интеграцию (отмена барьеров и ограничений для развития взаимных связей) и «позитивную» (создание новых институтов для развития интеграции на национальном и наднациональном уровнях) [Tinbergen, 1954].

Особо необходимо отметить работы Б. Балашша, который внес огромный вклад в развитие теории МЭИ. Наиболее популярной стала сформулированная Б. Балашша логичная схема последовательного развития МЭИ, включая пять его этапов: зона свободной торговли (ЗСТ), таможенный союз, единый внутренний рынок, общий экономический союз и полная (тотальная) экономическая интеграция. Последняя, по мнению Б. Балашша, предполагает объедине-

ние монетарных, фискальных, социальных и антикризисных политик и создание наднационального органа, решения которого становятся обязательными для государств-членов [Balassa, 1961]. Эта схема стала называться линейной моделью интеграции и даже «лестницей интеграции», подразумевавшей определенную последовательность интеграционных процессов – от низших стадий к более высоким [Souza, 2008].

В дальнейшем последователи модели Б. Балашша стали выделять дополнительные этапы МЭИ (до 7 в следующем порядке: преференциальная зона торговли, ЗСТ, таможенный союз, единый рынок, экономический союз, экономический и валютный союз, полная экономическая интеграция), но они не меняют фундаментальных принципов линейной модели интеграции, а являются лишь детализацией схемы Б. Балашша¹. Были и другие предложения, например, сократить схему Б. Балашша до двух ступеней: 1) поверхностная интеграция (преференциальные соглашения и ЗСТ) и 2) более глубокая интеграция (таможенный союз и общий рынок) [Lawrence, 1996]. И. Вайда выделял похожую двухступенчатую схему: 1) торговая и 2) производственная интеграция [Vajda, 1971] – что также принципиально не противоречит принципам линейной интеграции.

В то же время реальная практика углубления международного сотрудничества не всегда соответствовала стройной схеме Б. Балашша по переходу от простых форм интеграции к более сложным (например, в ЕС). Еще больше несовпадение существующей практики со схемой Б. Балашша проявилось в результате ускорившейся в XXI в. регионализации и начавшейся трансрегионализации глобальной эко-

1 CFI Team. Economic Integration. – 2022. – URL: <https://corporatefinanceinstitute.com/resources/knowledge/economics/economic-integration/> (дата обращения: 09.01.2023).

номики. Это нашло отражение и в теоретических работах, в которых фокус сдвигается к анализу сути интеграционных процессов, несходство которых перестает казаться аномалией [Байков, 2017, с. 45, 48]. Подобного мнения придерживается С. Краполь, считающий, что господствующие теории интеграции страдают европоцентризмом и не могут быть применены к развивающимся регионам, поскольку они имплицитно опираются на внутрирегиональную экономическую взаимозависимость как на движущую силу региональной интеграции [Krapohl, 2020].

В научный оборот вошло понятие «нелинейная интеграция», предполагающее отсутствие четко заданной последовательности стадий интеграционного процесса и/или отказ от целей по достижению максимально возможного уровня интеграции [Ушкалова, 2016, с. 163–164].

На современном этапе стала формироваться новая модель комплексной интеграции, ярким выражением которой являются трансрегиональные экономические мегартнерства и всеобъемлющие ЗСТ, появившиеся в мировой экономике с середины 2010-х годов. К ним относятся Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (ВПТТП); Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (ВРЭП); ЗСТ и экономические партнерства ЕС с Канадой, Японией, Вьетнамом, Сингапуром; Африканская континентальная ЗСТ; Тихоокеанский альянс и др. Особенностью данной модели интеграции, которую можно назвать «продвинутой (всеобъемлющей) ЗСТ», является то, что она предполагает одновременное достижение договоренности всех ее участников по широкому спектру сотрудничества и подписание общего соглашения. Оно может касаться как традиционного торгового и инвестиционного сотрудничества,

так и вопросов охраны окружающей среды, защиты интеллектуальной собственности, трудовых отношений, содействия развитию и поддержки малого и среднего предпринимательства, разрешения споров и т. п. Для реализации отдельных положений общего договора может быть предусмотрен льготный период, как и некоторые исключения из общих правил для отдельных стран, учитывающие специфику развития последних.

Таким образом, как и в классической модели МЭИ, у новых экономических мегартнерств имеется первая интеграционная стадия – ЗСТ, а также третья стадия, подразумевающая создание регулируемых по общим правилам рынков товаров, услуг, отчасти капиталов, в первую очередь инвестиций. Однако в партнерствах не создаются таможенные и валютные союзы, не формируются наднациональные органы управления, а все возникающие в процессе сотрудничества вопросы решаются на уровне соответствующих министерств и ведомств [Хейфец, 2019, с. 41–42].

Методы исследования

Хотя теория экономической интеграции Б. Балашша в дальнейшем была дополнена многими серьезными исследованиями, расширившими и углубившими наши представления о МЭИ, ее «лестница интеграций» является основным методологическим инструментом для первичной оценки степени интегрированности того или иного экономического союза. Речь идет о том, что если в межгосударственном объединении имеется одна из таких форм регулирования взаимных связей его участников, как ЗСТ, таможенный союз, единый рынок или общий экономический союз и валютный союз, то оно является интеграционным, и наоборот: отсутствие хо-

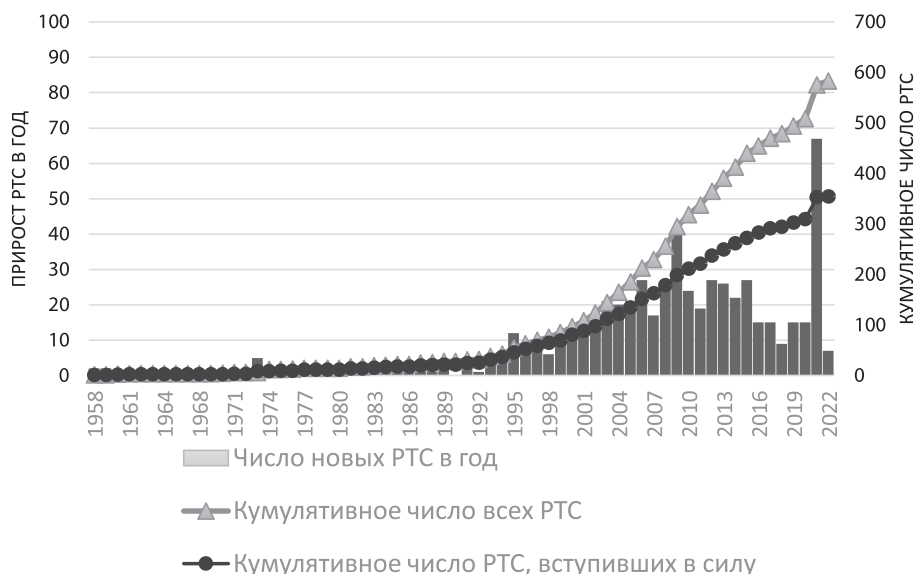

Рисунок 1. Динамика числа РТС (действующих или нотифицированных в 1948–2022 гг.) на 1 января 2023 г.

Figure 1. Dynamics of the number of RTAs (active or notified in 1948–2022) as of January 1, 2023.

Источник: расчеты автора по Regional Trade Agreements Database. – URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 09.01.2023).

тя бы одной из данных форм оставляет данное объединение вне рамок классической экономической интеграции.

Такой методологический подход принят ВТО, которая ведет подробный учет региональных торговых соглашений (РТС). По данным ВТО, на 1 января 2023 г. в глобальной экономике насчитывалось 583 действующих или нотифицированных в 1948–2022 гг. РТС (рисунок 1). Правда, первое такое РТС вступило в силу в 1958 г., и до 2000 г. этот процесс развивался медленно. В 2000–2010 гг. наблюдался значительный прирост числа РТС, после чего произошел медленный разворот данного тренда. Резкий взлет показателей в 2021 г. связан с «ковидным провалом» 2019–2020 гг. и одобрением уже согласованных, но отложенных РТС.

А в 2022 г. был наименьший за последние 25 лет прирост новых РТС.

ВТО выделяет несколько групп РТС: соглашения о ЗСТ, соглашения об экономической интеграции, соглашения о таможенном союзе и соглашения частичного охвата (таблица 1).

Из приведенных данных видно, что основу РТС составляют соглашения о ЗСТ (56,1%) и об экономической интеграции (33,7%). При этом следует учитывать, что у ВТО критерии отнесения РТС к этим формам взаимных связей участников опираются прежде всего на его основополагающий документ – Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), акцентирующее внимание на вопросах торговли, поэтому несколько отличаются от классических подходов к МЭИ. Так, в статье

Таблица 1. Типологическая структура РТС по классификации ВТО на 1 января 2023 г.
Table 1. Typological structure of the RTS according to the WTO classification as of January 1, 2023

Типы РТС	В соответствии со Ст. V ГАТТ	В соответствии со Ст. XXIV ГАТТ	С разрешающей оговоркой	Всего	Доля, %
РТС о ЗСТ		294	23	317	54,6
РТС о ЗСТ с дополнениями		8	1	9	1,5
РТС о Таможенном союзе		11	7	18	3,1
Таможенный союз с дополнениями		10	3	13	2,2
РТС об экономической интеграции	190			190	32,5
РТС об экономической интеграции с дополнениями	7			7	1,2
РТС с частичным охватом			27	27	4,6
РТС с частичным охватом с дополнениями			2	2	0,3
Итого	197	323	63	583	100

Источник: Figures on Regional Trade Agreements notified to the GATT/WTO and in force. – URL: <http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx> (дата обращения: 09.01.2023).

XXIV ГАТТ под ЗСТ понимается «группа из двух или более таможенных территорий, в которых отменены пошлины и другие ограничительные меры регулирования торговли», а под таможенным союзом понимается «замена двух или нескольких таможенных территорий одной таможенной территорией». Статья V, которая является основанием для включения в группу РТС об экономической интеграции, предусматривает свободу перемещения товаров, судов и других транспортных средств через территорию договаривающихся стран², хотя свобода перемещения некоторых материальных активов – только одна из классических характеристик МЭИ.

Кроме того, ВТО выделяет преференциальные торговые соглашения (ПТС), число которых увеличилось с 50 в начале 1990-х годов до примерно 300 в 2019 г.

Практически все члены ВТО в настоящее время являются участниками одного или нескольких ПТС, которые позволяют учесть особенности интеграционных процессов в отдельных мега-регионах и предложить более либеральные, чем достигнутые при вступлении в ВТО, нормы регулирования взаимных связей. При этом наблюдается тенденция расширения сфер взаимодействия, которые затрагивают ПТС. В 1950-е годы ПТС охватывали в среднем 8 областей торговой политики, в 2010-е годы их стало в среднем 17 [Mattoo, Rocha, Ruta, 2020, p. 2]. Всё это свидетельствует об усилении заинтересованности национальных экономик в ускоренном развитии отдельных региональных интеграционных процессов для решения своих задач, чего сложно или невозможно добиться на уровне всего ВТО.

² WTO. The General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947). – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_01_e.htm (дата обращения: 10.01.2023).

В то же время такое расширение пространства регулирования интеграционных процессов имеет свои пределы, что обуславливает необходимость либерализации подходов к понятию МЭИ. Если исходить из основного смысла термина «интеграция» (латинское *integratio*), то это процесс соединения (объединения) отдельных частей в единое целое. Применительно к МЭИ под данным термином можно понимать самые разнообразные формы взаимодействия, способствующие экономическому сближению (объединению) заинтересованных государств. В современной практике международного разделения труда и межгосударственного сотрудничества некоторые такие формы не могут ассоциироваться с традиционными моделями МЭИ. В этом плане можно предложить такой термин, как «накопительная интеграция», который может учитывать весь комплекс связей и институтов, ведущих к экономическому сближению группы заинтересованных государств. Поскольку у классических интеграционных форм есть свои обозначения, данный термин может применяться ко всем другим процессам МЭИ.

Результаты и дискуссия

Особенностью накопительной интеграции является готовность участников к многостороннему или двустороннему сотрудничеству для достижения конкретных целей и предоставление друг другу привилегий или особых прав в рамках таких договоренностей. При этом у накопительной интеграции могут быть различные модели, а сама накопительная интеграция в перспективе может или перейти к более высоким стадиям МЭИ, или еще долгое время оставаться компромиссной формой развития стабильных взаимных связей.

Для использования модели «накопительной интеграции» существуют серьезные объективные потребности. Среди них можно назвать следующие:

1. Фрагментаризация и поляризация глобального экономического пространства, которая ведет к поиску новых партнеров и союзников в политической и экономической сфере.

2. Возрастание фактора неопределенности в оценке перспектив развития мировой и национальной экономики.

3. Обострение проблем в существующих интеграционных объединениях, прежде всего связанных с ограничением национального экономического суверенитета.

4. Усиление в мировой экономике роли группы развивающихся стран, которые еще не готовы в силу тех или иных причин к участию в продвинутых либеральных интеграционных объединениях.

5. Наличие устойчивых отношений у группы стран и долговременное успешное сотрудничество в различных сферах, включая экономику, которое они хотели бы продолжать развивать в рамках традиционных связей.

6. Существование больших групп стран, заинтересованных в углублении своего сотрудничества, но сильно дифференцированных по своему экономическому потенциалу и по выбранным стратегиям развития.

7. Необходимость формальной институтизации сложившихся взаимоотношений, что позволило бы повысить экономическую и переговорную силу существующих де-факто региональных и трансрегиональных союзов.

Модель накопительной интеграции может реализоваться на формальном (межгосударственном) и на неформальном уровнях (интеграция «снизу»). На межгосударственном уровне ее институциональными формами

могут быть стратегические договоры о взаимодействии, включающие вопросы экономического и научно-технического сотрудничества, соглашения по конкретным областям кооперации или по отдельным проектам, которые подразумевают принятие их подписантами международно-правовых обязательств.

Между тем на современном этапе развития мировой экономики всё большую роль приобретает неформальная интеграция, которая осуществляется на уровне отдельных мультинациональных компаний, предприятий различных размеров и форм собственности, исследовательских центров, региональных органов власти, сетевых структур, конкретных предпринимателей и потребителей. Неформальная интеграция позволяет преодолевать многие бюрократические барьеры, проводить более гибкую политику развития бизнеса и тем самым использовать скрытые резервы международного сотрудничества. Значение «интеграции снизу» несравненно возрастает в модели накопительной интеграции, которая предполагает самые разнообразные и гибкие форматы взаимодействия.

Одной из целей МЭИ является повышение эффективности национальной экономики благодаря активному использованию глубинного потенциала взаимного сотрудничества. В моделях классической МЭИ это во многом реализуется путем «создания торговли» (*trade creation*), то есть стимулирования переориентации части национальных внешнеторговых потоков на интеграционный рынок благодаря использованию различных преференций. Но это ведет и к «отклонению торговли» (*trade diversion*) за счет сокращения потоков товаров и услуг с третьи-

ми странами, которые при отсутствии таких льгот были бы более выгодными партнерами.

Модели накопительной интеграции также способствуют интеграции рынков участников, однако это происходит опосредованно в результате реализации совместных проектов и программ, ведущих к увеличению торговли и инвестиций. При этом стратегия накопительной интеграции является мягкой альтернативой императиву «отклонения торговли».

В последнее время безусловный характер преимуществ классических моделей интеграции всё больше подвергается сомнению. Как отмечают авторитетные российские исследователи интеграционных процессов О.В. Буторина и Ю.А. Борко, «экономическая выгода не является имманентным свойством региональной интеграции: она возникает не на всех стадиях процесса и не является ни ее основной целью, ни ее движущей силой» [Butorina, Borko, 2022, p. S105].

Поэтому в экспертном сообществе нет однозначных оценок влияния современных трендов регионализации на либерализацию мировой торговли. Как отмечал бывший Генеральный директор ВТО Р. Азеведо, хотя РТС призваны принести пользу подписавшим их странам, ожидаемые выгоды могут быть сведены на нет, если не будут сведены к минимуму перекосы в распределении ресурсов, а также в отклонении торговли и инвестиций³.

Хотелось бы также отметить, что модель накопительной интеграции может быть востребована и в результате дезинтеграционных явлений в отдельных интеграционных объединениях классического типа. Так, после официального выхода 31 января 2020 г. из ЕС и прекра-

3 WTO. Regional trade agreements and the WTO. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/scope_rta_e.htm (дата обращения: 10.01.2023).

чения действия связанных с этим привилегий, оставшихся на время годичного переходного периода, Великобритания уже в декабре 2020 г. заключила с Евросоюзом новое соглашение о торговле и сотрудничестве. Соглашение зафиксировало выход Великобритании из Единого рынка ЕС и его Таможенного союза, хотя и сохранило формальную ЗСТ, но с более ограниченным доступом на рынки ЕС в ответ на протекционистские меры самой Великобритании.

Опыт СЭВ

Как это ни парадоксально, к модели накопительной интеграции может быть отнесена интеграция социалистических государств в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), который несколько десятилетий был социалистической альтернативой интеграции в Общий рынок и в дальнейшем в Евросоюзе. СЭВ был создан в январе 1949 г. по инициативе СССР с участием 6 стран Восточной Европы (Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии) как ответ на известный план Маршалла по экономическому восстановлению стран Западной Европы после Второй мировой войны. На первых этапах существования деятельность СЭВ была направлена на оказание помощи со стороны СССР, но постепенно в ней усиливалась компонента взаимного экономического и научно-технического сотрудничества. В 1962 г. были одобрены «Основные принципы международного социалистического разделения труда», а в 1971 г. принята Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран – членов СЭВ. Албания вышла из СЭВ в 1961 г., а в 1962 г. в СЭВ была принята Монголия, в 1972 г. – Куба, в 1978 г. – Вьет-

нам. В 1980-е годы на страны СЭВ приходилось 9% мирового валового продукта – почти шестая часть глобального промышленного производства. В 1970–1980-е годы взаимная торговля давала от 50 до 65% всей внешней торговли стран СЭВ, что намного превосходит показатели современных интеграционных объединений России – ЕАЭС и СНГ.

В СЭВ были созданы такие наднациональные институты, как Исполнительный комитет, Международный банк экономического сотрудничества (МБЭС), Международный инвестиционный банк (МИБ), совместные организации и хозяйственные объединения («Интерэлектро», «Интератомэнерго», «Интертекстильмаш», «Интерхимволокно», «Интератоминструмент» и др.). Высшим органом управления были ежегодно созываемые сессии СЭВ на уровне партийных и государственных руководителей стран-участниц.

Однако СЭВ не проходит по критериям классической МЭИ, так как строился на основе принципиально отличных от рыночных механизмов принципов – плановых системах управления народным хозяйством в странах-участницах. Они не могли обеспечить тесную интеграцию рынков интегрирующихся стран. Тем не менее в СЭВ были созданы нерыночные механизмы, обеспечивавшие сближение и сопряжение экономик его участников. Среди них следует отметить координацию народно-хозяйственных планов, являвшихся основными инструментами управления их экономик, многостороннюю систему расчетов в переводных рублях, совместные инвестиционные проекты, специализацию и кооперацию производства (в этой сфере было заключено 120 многосторонних и более 1000 двусторонних соглашений), научно-техническое сотрудничество, прямые связи производственных предприятий

и т.п. В конце 1980-х годов СЭВ столкнулся с рядом серьезных проблем, решение которых предполагалось осуществлять за счет большего использования рыночных механизмов. Однако в 1991 г. после смены правящих режимов в странах СЭВ было принято решение о прекращении его деятельности, хотя некоторые международные институты, созданные бывшими странами СЭВ, до сих пор продолжают функционировать. Например, Международный банк экономического сотрудничества, который перенес центр тяжести своей деятельности с международных расчетов на финансирование устойчивого развития.

Любопытно, что со временем Б. Баласса несколько изменил свои подходы к оценке интеграционности региональных объединений, признав наличие экономической интеграции в СЭВ, которая строго не соответствовала ни одной из выдвинутых им в 1961 г. характеристик МЭИ, хотя Б. Баласса и критиковал СЭВ за преимущественно двусторонний подход к регулированию взаимных связей [Balassa, 1976].

Инициатива «Пояс и путь»

Одним из самых ярких и продвинутых примеров современной накопительной интеграции является китайский проект – инициатива «Пояс и путь» (ИПП). ИПП предполагает самостоятельный выбор каждой страной форм и масштабов участия в этом проекте, регулярное проведение политических и экономических консультаций для участников с целью выявления конфликтных областей и обмена лучшими практиками.

В ИПП не предусматривается принятие на себя конкретных обяза-

тельств, то есть заключение одного основного обязательства для выполнения договора, как это происходит в традиционных интеграционных союзах. Достаточно публично заявить об одобрении данного проекта и подписать меморандум. Это открывает путь к политическому, экономическому или научно-техническому взаимодействию с Китаем в рамках ИПП.

Не случайно, что у проекта ИПП число участников возросло с 65 в 2013–2014 гг. до 147 по состоянию на март 2022 г., в том числе 35 – из Европы и Центральной Азии, включая 18 государств ЕС, 25 – из Восточной Азии и Тихоокеанского региона, 20 стран из Латинской Америки, 43 африканские страны южнее Сахары и 18 – из Северной и Центральной Африки, 6 – из Юго-Восточной Азии⁴. Население этих государств составляет примерно 60% от мирового показателя, совокупный ВВП оценивается в 35% от мирового ВВП, внешняя торговля товарами составляет 43% глобальной торговли [The Emerging Markets Forum, 2019]. Это делает ИПП крупнейшим интеграционным проектом в мире.

Особенностью ИПП как модели накопительной интеграции является наличие одного доминирующего участника – Китая, который выступил в 2013 г. с инициативой реализации данного проекта. Китай несет основную финансовую нагрузку по его реализации. Ведущую роль здесь играют главные политические банки КНР (Банк сельскохозяйственного развития Китая, Китайский банк развития, Экспортно-импортный банк Китая, Банк Китая, Строительный банк Китая, Промышленно-коммерческий банк Китая), государственные фонды (Китайская инвестиционная корпорация, Фонд Шелкового пу-

4 Countries of the Belt and Road Initiative (BRI). – URL: <https://greenfdc.org/countries-of-the-belt-and-road-initiative-bri/> (дата обращения: 09.01.2023).

ти), международные финансовые институты с существенным капиталом КНР (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый Банк развития БРИКС). С 2013 по 2021 г. совокупный объем инвестиций КНР в ИПП составил 932 млрд долл.: около 561 млрд долл. в виде строительных контрактов и 371 млрд долл. в виде нефинансовых инвестиций [Nedopil, 2022].

ИПП предусматривает разнообразные проекты экономического взаимодействия, в зависимости от конкретных условий развития и национальных интересов отдельных участников. Важнейшим его направлением является реализация конкретных проектов, прежде всего инфраструктурных, которые призваны активизировать развитие торговли, инвестиционного и научно-технического сотрудничества. В рамках ИПП происходит и определенная адаптация регуляторных механизмов участников, например в рамках локальных двусторонних или многосторонних межгосударственных ЗСТ и специальных экономических зон (СЭЗ).

Только у Китая в 2022 г. имелось 16 вступивших в силу двусторонних и многосторонних соглашений о ЗСТ. На пространстве ИПП действуют такие интеграционные объединения, как СПТТП, ЕС, АСЕАН, ЕАЭС, СНГ, МЕРКОСУР и многие другие.

Китай в 2015-2018 гг. дважды предлагал организовать ЗСТ в рамках реализации идеи сопряжения ЕАЭС и ИПП, но эти проекты не были реализованы. Государства ЕАЭС отказались от создания зоны свободной торговли с КНР даже при условии максимального ограничения рамок свободной торговли и введения различных исключений, как это было сделано при заключении соглашений о зоне свободной

торговли ЕАЭС с Вьетнамом (2015 г.) и ЕАЭС с Сингапуром (2019 г.). В конечном счете в 2018 г. было подписано непререференциальное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем, которое может рассматриваться как пример накопительной интеграции.

АТЭС

Другим масштабным примером накопительной интеграции является Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). В отличие от инициативы «Пояс и путь» АТЭС является полицентрической накопительной интеграцией, так как ее драйверами выступают несколько крупнейших мировых экономик. АТЭС было институализировано в 1989 г., в его состав входят 19 стран и 2 территории, большинство из них имеют выход к Тихому океану. В них проживает около 40% мирового населения, на АТЭС приходится приблизительно 60% ВВП и 48% мировой торговли⁵. В АТЭС входят как крупнейшие мировые экономики (например, США, Китай, Япония, Мексика), так и менее развитые или небольшие юрисдикции (Вьетнам, Перу, Тайвань, Сингапур, Папуа – Новая Гвинея). Хотя в 1998 г. принято решение о введении моратория на дальнейшее расширение АТЭС, наблюдается высокая заинтересованность новых государств (Индия, Пакистан, Камбоджа, Шри-Ланка, Колумбия, Эквадор, Коста-Рика, Панама, Монголия), которые уже подали официальные заявки на присоединение к данному форуму.

АТЭС работает на основе принципов консенсуса и добровольности и является консультативным органом, имеющим небольшой Секретариат, распо-

5 Asia-Pacific Economic Cooperation. – URL: <https://www.apec.org/about-us/about-apec/achievements-and-benefits> (дата обращения: 09.01.2023).

ложенный в Сингапуре, а также ряд рабочих органов (Деловой консультационный совет, комитеты экспертов по торговле и инвестициям, экономический комитет и бюджетный комитет). С 1993 г. главной формой организационной деятельности является ежегодно проводимый саммит лидеров экономик участников, принимающий декларации по годовым итогам и перспективам деятельности АТЭС.

Основной целью АТЭС с самого начала было формирование в регионе системы свободной и открытой торговли и инвестиционной деятельности к 2010 г. для развитых стран и к 2020 г. для развивающихся стран, что было отражено в Богорской декларации 1994 г. Однако решение связанных с этим задач шло не теми темпами, на которые рассчитывали участники объединения. В 2014 г. была принята дорожная карта, нацеленная на завершение создания ЗСТ, но ее задачи, как и цели Богорской декларации, не были реализованы. В 2020 г. были одобрены Путраджайские ориентиры развития до 2040 г., предусматривающие углубление сотрудничества участников АТЭС с учетом актуальных задач обеспечения устойчивого и безопасного экономического роста. При этом одной из главных целей остается продвижение и укрепление региональной экономической взаимозависимости, хотя задача создания общей ЗСТ выпала из текущей повестки.

Между тем на территории АТЭС действует несколько продвинутых региональных и трансрегиональных интеграционных объединений. Среди них можно упомянуть ВПТТП, РВЭП, АСЕАН, новую НАФТА (*USMCA*), Тихоокеанский альянс и другие.

Важным интеграционным аспектом деятельности АТЭС является совместное финансирование проектной деятельности. В АТЭС существуют та-

кие фонды, как *General Project Account* (формируется из ежегодных обязательных взносов), *Trade & Investment Liberalisation & Facilitation Account* и *APEC Support Fund* (формируются из добровольных взносов участников АТЭС).

БРИКС

Еще одним примером интеграционного взаимодействия, развивающегося в соответствии с вектором полицентрической накопительной интеграции, является объединение БРИКС. В научных публикациях используются разные институциональные характеристики БРИКС. Его называют неформальной группой стран, блоком, стратегическим альянсом, группой, интеграционным союзом и даже интеграцией интеграций, так как каждая страна БРИКС является участником одного или нескольких других интеграционных объединений.

Целенаправленное формирование БРИК началось в середине 2010-х годов, а его первый форум на высшем уровне состоялся 16 июня 2009 г. В 2011 г. в объединение была принята ЮАР и появилось его современное название – БРИКС.

За сравнительно небольшой период своей деятельности БРИКС стал важнейшей глобальной платформой для взаимодействия стран с переходной экономикой и развивающихся государств. В его рамках сложились многие форматы взаимовыгодного сотрудничества стран-участниц во всех сферах современного развития. В Декларации XIV саммита БРИКС (июнь 2022 г.) содержится 75 пунктов, отражающих приоритетные направления взаимодействия. Как отметил на деловом форуме БРИКС лидер КНР Си Цзиньпин, сотрудничество БРИКС в настоящее время вступило в новую стадию качествен-

ного развития. Лидер КНР призвал членов БРИКС углублять сотрудничество для более эффективной защиты продовольственной и энергетической безопасности, использования возможностей, предоставляемых новой научно-технической и промышленной революцией, помочь развивающимся странам ускорить развитие цифровой экономики и «зеленой» трансформации⁶.

В 2015 г. была принята первая Стратегия экономического партнерства БРИКС, которая была направлена на углубление многосторонних и двусторонних деловых связей и усиление конкурентных позиций участников объединения в мировой экономике. В соответствии с принятыми правилами эта стратегия была модернизирована в 2020 г. в Стратегию экономического партнерства БРИКС до 2025 г.

Значимых успехов страны БРИКС добились в финансовой сфере, где были созданы совместные финансовые институты – Новый банк развития (НБР) с капиталом 100 млрд долл. и Пул условных валютных резервов БРИКС. С момента запуска операционной деятельности НБР Советом банка на конец 2021 г. было одобрено для финансирования более 70 проектов на общую сумму 29,1 млрд долл. [New Development Bank, 2022].

В БРИКС делаются шаги по развитию межнациональной платежной системы, единой схемы валютных расчетов, юридической, медицинской, образовательной платформ и крупных совместных промышленных предприятий, в том числе по переработке нефти.

В то же время в БРИКС пока не используются традиционные формы, характеризующие классическую интеграцию, так как не все страны БРИКС готовы к широкой либерализации вза-

имной торговли. Поэтому появление в среднесрочной перспективе зоны свободной торговли БРИКС маловероятно, тем более что в настоящее время всё чаще дискутируется вопрос о расширении БРИКС, что объективно может затруднить использование продвинутых форм интеграции. Поэтому для БРИКС модель накопительной интеграции является наиболее привлекательной формой взаимодействия, позволяющей расширить горизонт сотрудничества, не ущемляя суверенитета его участников. А БРИКС с полным основанием может считаться новым интеграционным объединением.

Закключение

Рассмотренные примеры региональных и трансрегиональных альянсов показывают не только наличие в мировой экономике такого явления, как накопительная экономическая интеграция, но и потребностей в осуществлении предлагаемых ею форм межгосударственного взаимодействия. По этому пути развиваются такие проекты, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Восточное партнерство ЕС, Соглашение об ассоциации между ЕС и Центральной Америкой, Рамочное соглашение по торговле и инвестициям «C5+1» стран ЦА и США, Организация тюркских государств, Совет сотрудничества государств Персидского залива, Партнерство Америк для экономического процветания и некоторые другие. Накопительная интеграция может стать экономической составляющей амбициозного геополитического проекта «Большая Евразия» – от Лиссабона до Владивостока.

Стратегия накопительной интеграции интересна не только с теоретиче-

6 BRICS cooperation injects vitality into global development, wins worldwide applause. – URL: http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/tpzx/202206/t20220627_10710554.html (дата обращения: 10.01.2023).

ской, но и с практической точки зрения. Данная модель интеграции представляет собой ответ на современные вызовы глобальной экономики и позволяет более тонко учитывать интересы интегрирующихся стран, не ставя неприемлемых условий, ущемляющих их национальный суверенитет. Стратегия накопительной интеграции расширяет поле для развития взаимного сотрудничества в плане вовлечения в него разных по уровню экономического развития и национальных особенностей стран, а также сфер их взаимодействия. Она позволяет участникам не брать на себя завышенных обязательств или прибегать к многочисленным ограничениям и исключениям при попытках копирования практики более продвинутых интеграционных форматов, существующих в мировой экономике. Не случайно, что интерес к участию в существующих интеграционных объединениях, развивающихся по модели накопительной интеграции, проявляет всё больше государств.

Новым убедительным подтверждением востребованности в современных реалиях модели накопительной интеграции стало создание Индо-Тихоокеанской экономической структуры (*Indo-Pacific Economic Framework – IPEF*). В нее вошли 14 государств, на которые приходится около 40% мирового ВВП. Это США, Япония, Индия, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд, Сингапур, Бруней, Фиджи. В подписанном в сентябре 2022 г. соглашении об *IPEF* не указаны конкретные обязательства его участников, такие, например, как импортные пошлины или доступ к рынку. *IPEF* включает 4 блока, касающихся тор-

говли, цепочек поставок, чистой энергии, декарбонизации и инфраструктуры, налогообложения и борьбы с коррупцией. При этом партнеры по *IPEF* не обязаны присоединяться ко всем четырём компонентам⁷.

Такой подход сильно сократил время подготовки этого соглашения (менее 2 лет), позволив вовлечь в него некоторых трудных переговорщиков и избежать согласований по многим сложным вопросам, то есть создал привлекательную альтернативу действующим в азиатском макрорегионе интеграционным объединениям. Новый интеграционный формат также повышает роль инициативы «снизу», прежде всего корпоративного сектора в достижении конкретных договоренностей, которые не будут спускаться «сверху», а вырабатываться на основе заинтересованности и договоренностей самих акторов международной кооперации.

В то же время участие в накопительной интеграции предполагает совпадение взглядов на главные проблемы современного развития и общность принципов по их решению, а также заинтересованность в усилении взаимодействия в разных сферах геополитического и социально-экономического развития. Именно такие подходы зафиксированы в межгосударственном соглашении о *IPEF*.

Итак, накопительная экономическая интеграция формирует широкую платформу для более точного понимания конкретных национальных интересов партнеров, становится материальной базой для углубления взаимодействия в различных сферах современной жизни. Стратегия накопительной интеграции ведет к усилению переговорной позиции его участников на мировой арене,

7 Bown Ch., Weisel B. What is the Indo-Pacific Economic Framework and will it work? // Peterson Institute for International Economics. – 2022. – 12 December. – URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/what-indo-pacific-economic-framework-and-will-it-work> (дата обращения: 10.01.2023).

в международных организациях и на авторитетных форумах. Это очень важно в связи с глубокой трансформацией мировой экономики, ее усилившейся фрагментаризацией и поляризацией, ведущих к невиданному за последние 75 лет обострению конкуренции среди глобальных экономических лидеров.

Список литературы

Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 4. – С. 38–53. – DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53.

Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. – Москва : Экономика, 2011. – 333 с.

Ушкалова Д.И. Современные подходы к выделению моделей экономической интеграции // Вестник ИЭ РАН. – 2016. – № 3. – С. 158–170.

Хейфец Б.А. Новые экономические мегапартнерства и Россия. – Санкт-Петербург : Алетей, 2019. – 288 с.

Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. – Москва : III тысячелетие, 2001. – 480 с.

Balassa B. The Theory of Economic Integration. – Homewood : Richard D. Irwin, Inc., 1961. – 152 p.

Balassa B. Types of Economic Integration // Economic Integration: Worldwide, Regional, Sectoral / Ed. by F. Machlup. – London : Palgrave Macmillan, 1976. – P. 17–40.

Butorina O.V., Borko Y.A. Benefits of Regional Integration: Redefining the Concept // Herald of the Russian Academy of Sciences. – 2022. – Vol. 92, Suppl. 2. – P. S105–S112. – DOI: 10.1134/S1019331622080020.

Grimwade N. Theory of Economic Integration: A Review // The New Pal-

grave Dictionary of Economics. – Palgrave Macmillan, 2017. – P. 1–12. – DOI: 10.1057/978-1-349-95121-5_2869-1.

Hosny A. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // International Journal of Economy, Management and Social Sciences. – 2013. – Vol. 2, N 5. – P. 133–155.

Krapohl S. Games regional actors play: dependency, regionalism, and integration theory for the Global South // Journal of International Relations and Development. – 2020. – Vol. 23, N 4. – P. 840–870.

Lawrence R.Z. Regionalism, Multilateralism and Deeper Integration. Overview. – Washington, DC : The Brookings Institution, 1996. – 158 p.

Lipsey R. The Theory of Customs Unions: A General Survey // The Economic Journal. – 1960. – Vol. 70, N 279. – P. 496–513.

Mattoo A., Rocha N., Ruta M. The Evolution of Deep Trade Agreements // World Bank Policy Research Working Paper. – 2020. – N 9283. – 45 p.

Meade J.E. Trade and Welfare (The Theory of International Economic Policy, Vol. 2). – London : Oxford University Press, 1955. – 838 p.

Nedopil Ch. Brief: China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report H1 2022. – Shanghai : Green Finance & Development Center, FISF Fudan University, 2022. – 29 p. – DOI: 10.13140/RG.2.2.23455.84645.

New Development Bank. Expanding Our Reach and Impact. Annual Report 2021. – Shanghai, 2022. – P. 4. – URL: https://www.ndb.int/annual-report-2021/pdf/NDB_AR_2021_complete.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

Souza E. Economic integration in the quality ladder model // Estudos Econômicos. – 2008. – Vol. 38, N 4. – P. 849–887. – DOI: 10.1590/S0101-41612008000400006.

Tinbergen J. International Economic Integration. Amsterdam : Elsevier, 1954. – 191 p.

The Emerging Markets Forum. Maximizing the Positive Impacts and Minimizing the Risks of the BRI in the Central Asia and South Caucasus Region : A Policy Paper. – Washington, DC, 2019. – 14 p.

Vajda I. Integration, economic union and the national state // Foreign Trade in a

Planned Economy / Ed. by I. Vajda, M. Simai. – Cambridge : Cambridge University Press, 1971. – P. 28–44.

Viner J. The Customs Union Issue. – New York : Carnegie Endowment for International Peace, 1950. – 221 p.

From the Point of Economics

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.02

The Accumulative Model of International Economic Integration

Boris A. KHEYFETS

Doctor of Economics, Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation

Leningradskiy Prospect, 49, Moscow, Russian Federation, 125993;

Chief Researcher

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Nakhimovskiy Prospect, 32, Moscow, Russian Federation, 117218

E-mail: bah412@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-6009-434X

CITATION: Kheyfets B.A. (2023). The Accumulative Model of International Economic Integration. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. vol. 16, no. 1, pp. 35–52 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.02

Received: 23.10.2022.

Revised: 10.01.2023.

ABSTRACT. *The paper substantiates the expediency of introducing a new concept into scientific and practical circulation – cumulative economic integration. Based on the analysis of works on the theory of international economic integration, it is shown that the classical methodology, based primarily on the principles of the theory of B. Balassa, is only partially suitable for studying various forms of integration that are developing in the global economy at the present stage. In this regard, it is expedient to*

use the accumulative integration model, which takes into account the entire range of ties leading to the economic convergence of a group of interested states. A feature of accumulative integration is the readiness of the participants for multilateral or bilateral cooperation to achieve specific goals and the provision of privileges or special rights to each other within the framework of such agreements. The accumulative integration strategy expands the field for the development of mutual cooperation in terms of in-

volving countries with different levels of economic development, as well as areas of interaction. The accumulative integration can have various models, and accumulative integration itself in the future can either move to higher stages of international integration, or remain a compromise form of developing stable mutual ties for a long time to come. The conclusions drawn are supported by the analysis of concrete examples of the development of accumulative integration within the framework of the Belt and Road Initiative, APEC and BRICS. Some interstate associations that can use the strategy of accumulative integration are named.

KEYWORDS: regionalization and transregionalization, theory of B. Balassa, accumulative integration, national sovereignty, CMEA, Belt and Road Initiative, APEC, BRICS.

References

- Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. Homewood: Richard D. Irwin, Inc., 152 pp.
- Balassa B. (1976). Types of Economic Integration. In: Machlup F. (ed). *Economic Integration: Worldwide, Regional, Sectoral*. London: Palgrave Macmillan, pp. 17–40.
- Baykov A.A. (2017). Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory and Methodology of Comparison. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 10, no. 4, pp. 38–53 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53.
- Butorina O.V., Borko Y.A. (2022). Benefits of Regional Integration: Redefining the Concept. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92, suppl. 2, pp. S105–S112. DOI: 10.1134/S1019331622080020.
- Grimwade N. (2017). Theory of Economic Integration: A Review. In: *The New Palgrave Dictionary of Economics*. Palgrave Macmillan, pp. 1–12. DOI: 10.1057/978-1-349-95121-5_2869-1.
- Hosny A. (2013). Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature. *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*. Vol. 2, no. 5, pp. 133–155.
- Kheyfets B.A. (2019). *New economic mega-partnerships and Russia*. St. Petersburg: Aleteya, 288 pp. (in Russian).
- Krapohl S. (2020). Games regional actors play: dependency, regionalism, and integration theory for the Global South. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 23, no. 4, pp. 840–870.
- Lawrence R.Z. (1996). *Regionalism, Multilateralism, and Deeper Integration. Overview*. Washington, DC: The Brookings Institution, 158 pp.
- Libman A.M., Kheyfets B.A. (2011). *Models of regional integration*. Moscow: Ekonomika, 33 pp. (in Russian).
- Lipsey R. (1960). The Theory of Customs Unions: A General Survey. *The Economic Journal*. Vol. 70, no. 279, pp. 496–513.
- Mattoo A., Rocha N., Ruta M. (2020). The Evolution of Deep Trade Agreements. *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 9283, 45 pp.
- Meade J.E. (1955). *Trade and Welfare* (The Theory of International Economic Policy, Vol. 2). London: Oxford University Press, 838 pp.
- Nedopil Ch. (2022). *Brief: China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report H1 2022*. Shanghai: Green Finance & Development Center, FISF Fudan University, 29 pp. DOI: 10.13140/RG.2.2.23455.84645.
- New Development Bank (2022). *Expanding Our Reach and Impact. Annual Report 2021*. Shanghai, p. 4. – URL: https://www.ndb.int/annual-report-2021/pdf/NDB_AR_2021_complete.pdf, accessed 10.01.2023.
- Shishkov Yu.V. (2001). *Integration processes on the threshold of the 21st century. Why the CIS countries are not integrating*. Moscow: III millennium, 480 pp. (in Russian).

Souza E. (2008). Economic integration in the quality ladder model. *Estudos Econômicos*. Vol. 38, no. 4, pp. 849–887. DOI: 10.1590/S0101-41612008000400006.

The Emerging Markets Forum (2019). *Maximizing the Positive Impacts and Minimizing the Risks of the BRI in the Central Asia and South Caucasus Region: A Policy Paper*. September. – URL: <https://www.emergingmarketsforum.org/policy-paper-maximizing-the-positive-impacts-and-minimizing-the-risks-of-the-bri/>, accessed 10.01.2023.

Tinbergen J. (1954). *International Economic Integration*. Amsterdam: Elsevier, 191 pp.

Ushkalova D. Modern approaches to identifying models of economic integration. *Bulletin of the IE RAS*. No. 3, pp. 158–170 (in Russian).

Vajda I. (1971). Integration, economic union and the national state. In: Vajda I., Simai M. (eds.). *Foreign Trade in a Planned Economy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 28–44.

Viner J. (1950). *The Customs Union Issue*. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 221 pp.